

Pippi Långstrump vill inte bli stor

Пеппи не хочет быть взрослой [Лунгина]

Пиппи Длинныйчулок не желает стать взрослой [Брауде]

О, så Tommys och Annikas mamma och pappa klappade om sina barn och så de kysste dem och dukade fram en god kvällsmat åt dem och stoppade om dem i deras sängar, när de hade lagt sig. Och de satt länge, länge på sängkanten hos dem och hörde på barnens berättelser om allt det märkvärdiga som de varit med om på Kurrekurreduttön. De var så glada allihop. Det var bara en sak som var tråkig, och det var det där med julen. Tommy och Annika ville inte säga till sin mamma att de var ledsna för att de hade gått miste om julgran och julklappar, men så var det i alla fall. Det kändes så ovant att komma tillbaka som det alltid gör när man har varit ute och rest, och det skulle ha varit en väldig hjälp om det bara hade varit julafton när de kom hem.

Ах, как мама и папа Томми и Анники засуетились вокруг своих детей, когда их увидели: они обнимали их и целовали, накормили прекрасным ужином, уложили в постель, накрыли одеялом, а потом ещё долго-долго сидели у них на кроватках и слушали рассказы об удивительных приключениях на острове Веселии. И все они, и родители и дети, были счастливы. Только одно огорчало ребят: ведь они пропустили рождественский праздник. Томми и Анника не хотели волновать маму и поэтому не сказали, как им грустно, что они опоздали на рождественскую ёлку и не получили рождественских подарков. Но хотя они об этом не обмолвились ни словом, радость приезда была всё-таки несколько омрачена. Им было как-то странно вновь оказаться дома, как, впрочем, всегда бывает после долгого отсутствия, и, если бы они приехали как раз в рождественский вечер, им было бы значительно легче войти в прежнюю колею.

О, как мама и папа Томми и Анники обнимали своих детей, и как целовали, а потом накрыли стол и накормили их чудесным ужином, а потом еще подоткнули им одеяла, когда дети улеглись в свои кровати. Потом родители долго-долго сидели на краю кроваток и слушали рассказы детей о всех чудесах, которые им довелось пережить на острове Куррекurredут. Они все так радовались! И только одно омрачало их радость — мысль о Рождестве. Томми и Анника не хотели говорить маме, как они огорчены тем, что остались без рождественской елки и без рождественских подарков; но так оно и было. Дома им все казалось таким непривычным, как это бывает всегда, когда возвращаешься из долгого путешествия. И до чего было бы здорово, если бы они вернулись домой в сочельник!

Det gjorde också lite ont i Tommy och Annika när de tänkte på Pippi. Nu låg hon förstås där inne i Villa Villekulla med fötterna på huvudkudden och ingen var hos henne och stoppade om henne. De beslöt att gå till henne så fort de någonsin kunde nästa dag.

Men dagen därpå ville deras mamma inte släppa i väg dem, för hon hade ju inte sett dem på så lång tid, och förresten skulle deras mormor komma och äta middag och önska barnen välkomna hem. Tommy och Annika undrade oroligt vad Pippi kunde ha för sig hela dan, och när det började mörkna på kvällen kunde de inte stå ut längre.

”Snälla mamma, vi *måste* gå och hälsa på Pippi”, sa Tommy. ”Ja, kila i väg då”, sa fru Settergren. ”Men stanna inte för länge.” Och Tommy och Annika kilade i väg.

Мучила Томми и Аннику и мысль о Пеппи. Они представляли себе, как она спит в своей нетопленной вилле, положив, как обычно, ноги на подушку, и никто не сидит на краю её кровати, и никто не подтыкает ей одеяло. Они решили навестить её на следующий же день.

Но на следующий день их мама не захотела с ними расставаться ни на минуту, потому что она их так долго не видела, а к тому же к обеду должна прийти бабушка, чтобы повидать внучат после их путешествия. Томми и Анника очень тревожились, думая о том, что Пеппи проводит весь день в одиночестве, и, когда наступил вечер, они уже не смогли *дольше* терпеть.

— Милая мама, мы должны навестить Пеппи, — сказал Томми.

— Ну что ж, идите, — сказала фру Сёттергрен, — только поскорее возвращайтесь домой.

Томми и Анника тут же помчались к Пеппи.

У Томми и Анники также немножко болела душа, когда они думали о Пиппи. Теперь она, ясное дело, лежит там на Вилле Вверхтормашками ногами на подушке, и никого нет рядом с ней сейчас, и никто не подтыкает ей одеяло. И они решили пойти к ней завтра с самого утра.

Но назавтра мама не захотела их отпускать, ведь она так давно их не видела! И вообще, к ним на обед должна была прийти бабушка, поздравить внуков со счастливым возвращением домой. Томми и Анника беспокоились: что там Пиппи делает целый день одна? Когда вечером начало темнеть, они наконец не выдержали.

— Милая мама, мы *должны* пойти поздороваться с Пиппи, — сказал Томми.

— Ну, бегите! Но не оставайтесь там слишком поздно.

När de kom till Villa Villekullas trädgårdsgrind stannade de och bara tittade. Det såg ut precis som ett julkort. Hela villan låg där så mjukt inbäddad i snö, och det lyste glatt i alla fönster. På verandan brann en fackla som kastade sitt ljus långt ut över det vita snötäcket utanför. En väg var ordentligt uppskottad fram till verandan, så Tommy och Annika behövde inte plumsa i några drivor.

Just när de stampade av sig snön på verandan öppnades dörren och där stod Pippi.

”God jul i härvarande stuga”, sa hon. Så föste hon in dem i köket. Och där, där stod minsann en julgran! Ljusen var tända, och sjutton tomtebloss brann så det sprakade och spred ett hemtrevligt os omkring sig. På bordet stod uppdukat julgröt och skinka och korv och all möjlig julmat, ja, till och med pepparkaksgubbar och klenäter. I spisen flammade elden, och vid vedlåren stod hästen och skrapade belevat med foten. Herr Nilsson skuttade fram och tillbaka i granen mellan tomtebloss.

Когда дети отворили калитку в сад, они остановились, поражённые, и с изумлением стали оглядываться по сторонам. Всё выглядело точь-в-точь как на рождественской открытке: домик был весь засыпан пушистым белым снегом, а все окна были ярко освещены. На террасе горела большая свеча, и свет её красиво озарял заснеженные кусты. Дорожка к террасе была расчищена, так что ребятам не пришлось проваливаться в сугробах.

Они ещё стряхивали снег на террасе, когда открылась дверь и появилась Пеппи.

— Счастливого Рождества! — крикнула она и повела их на кухню.

А посреди кухни, представьте себе, стояла замечательная рождественская ёлка! Свет был потушен, а на ёлке горело семнадцать свечей, и от их дрожащего пламени и потрескивания становилось как-то очень уютно. Стол был накрыт по-праздничному. В середине стоял рождественский пудинг, на тарелках лежали красиво нарезанная ветчина, колбаса и другие вкусные вещи и много-много пряников. В печке пылал огонь, а в чулане стояла лошадь и весело била копытами. Господин Нильсон прыгал по ёлке с ветки на ветку, не задевая свечей.

Когда они подошли к садовой калитке Виллы Вверхтормашками, то остановились как вкопанные и только смотрели во все глаза. Все выглядело почти как на рождественской открытке. Вилла так мягко утопала в снегу, а окна были весело освещены! На веранде горел факел, отбрасывая свет далеко-далеко на белый снежный покров перед домом. Дорожка, ведущая к веранде, была основательно расчищена, так что Томми и Аннике не пришлось барахтаться в сугробах.

Как раз когда они отряхивали с себя снег на веранде, открылась дверь и на пороге появилась Пиппи.

— Счастливого Рождества в моей лачуге! — сказала она.

Затем провела их на кухню. А там, они не поверили своим глазам, стояла рождественская елка! Свечи были зажжены, и горело семнадцать светильников в виде домовых, да так, что только треск стоял и вокруг распространялся уютный запах. Стол был накрыт, и на нем стояли рождественская каша, и окорок, и колбаса, и другие всевозможные рождественские яства. Да, даже пряники — в виде домовых! В очаге пылал огонь, а возле дровяного ларя стояла лошадь и бодро била копытом. Господин Нильссон прыгал взад и вперед по елке между светящимися домовыми.

”Det är meningen att han ska vara julängel”, sa Pippi bistert, ”men det är lögn att han vill sitta still.”

Tommy och Annika stod där mållösa.

”O, Pippi”, sa Annika, ”så underbart! Hur har du kunnat hinna med allt det här?”

”Jag är en idog natur”, sa Pippi.

Tommy och Annika kände sig plötsligt kolossalt glada och lyckliga. ”Jag tycker det är bra att vi är hemma i Villa Villekulla igen”, sa

Tommy.

— Я велела Господину Нильсону изображать рождественского ангела, — угрюмо сказала Пеппи. — Но он не желает сидеть спокойно.

Томми и Анника застыли на пороге кухни, не в силах от восхищения вымолвить ни слова.

— О Пеппи! — прошептала наконец Анника. — Как это замечательно! Как ты могла со всем этим справиться? Как ты успела всё это устроить?

— А я очень прилежная, — ответила Пеппи.

Томми и Анника вдруг почувствовали себя невероятно счастливыми, и им стало так весело, как ещё никогда не было.

— Как хорошо, что мы вернулись домой, — сказал Томми.

- Хорошо бы его нарядить рождественским ангелом, — сказала Пиппи, — да вряд ли он станет сидеть тихо и спокойно.
- Томми и Анника молча стояли посреди кухни, совершенно ошеломленные.
- Ах, Пиппи, — выговорила наконец Анника, — до чего ж замечательно! Как ты успела все это сделать?
- У меня все в руках спорится, — ответила Пиппи.
- Томми и Анника внезапно почувствовали, что ужасно рады и счастливы.
- До чего здорово, что мы снова дома, на Вилле Вверхтормашками, — сказал Томми.

De satte sig kring bordet och åt massor av skinka och risgrynsgröt och korv och pepparkakor, och de tyckte att det var ännu godare än bananer och brödfrukt.

”Jamen, Pippi, det är ju inte alls jul nu”, sa Tommy.

”Jodå”, sa Pippi. ”Villa Villekullas almanacka går efter en hel del. Jag måste lämna in den till en almanacksmakare och få den ruckad, så det blir sprutt på den igen.”

”Så härligt”, sa Annika. ”Då får vi ju jul i alla fall. Fast utan julklappar förstås.”

”Oj, där sa du ett ord”, sa Pippi. ”Jag har gömt era julklappar. Dom får ni ta reda på själva.”

Tommy och Annika blev alldeles röda i ansiktet av förtjusning, och de rusade upp och började leta. I vedlåren hittade Tommy ett stort paket som det stod ”TOMMY” på. Det var en fin färglåda i det. Under bordet hittade Annika ett paket med sitt namn, och inuti det paketet låg en vacker röd parasoll.

”Den kan jag ta med till Kurrekurredudden nästa gång vi far dit”, sa Annika.

Дети сели вокруг стола и стали есть ветчину, рисовый пудинг, колбасу и пряники, и всё это им показалось куда вкуснее, чем бананы и плоды хлебного дерева.

— Слушай, Пеппи, — сказал Томми, — а ведь Рождество-то давно прошло.

— Ну и что, — отозвалась Пеппи, — просто моя вилла немного отстала, как старые часы. Придётся отнести её в часовую мастерскую, чтобы заменили пружину, а то она ещё больше отстанет.

— Как чудесно, что здесь отстало время, — сказала Анника, — и мы не пропустили ёлки, только вот рождественских подарков нет.

— Ой, хорошо, что ты напомнила, я спрятала ваши подарки!

Ищите их сами.

Томми и Анника даже покраснели от удовольствия, они вскочили с мест и принялись искать. В чулане Томми обнаружил большой пакет, на котором было написано: «Томми». В пакете лежала прекрасная коробка с красками. Под столом Анника нашла свёрток со своим именем, а в свёртке лежал красный зонтик.

— Я возьму его с собой, когда мы в следующий раз поедем в страну Веселию, — сказала Анника.

— Да, но, Пиппи, сейчас вовсе не Рождество, — сказал Томми.

— Нет, Рождество! Календарь Виллы Вверхтормашками немножко запаздывает. Надо будет отнести его к календарщику и починить.

— Вот здорово! — воскликнула Анника. — Значит, у нас все-таки Рождество! Хотя и без рождественских подарков.

— Ой, хорошо, что ты произнесла это слово, — сказала Пиппи. — Я спрятала ваши подарки. Вам самим придется их искать.

Лица Томми и Анники вспыхнули от восторга, и они кинулись искать свои подарки. В дровяном ларе Томми нашел большой пакет, на котором было написано: «ТОММИ». В пакете лежал красивый ящичек с красками. Анника нашла под столом пакет, на котором было написано ее имя, а внутри был красивый красный зонтик.

— Я смогу взять его с собой на остров Куррекурредут, когда мы в следующий раз поплывем туда, — обрадовалась Анника.

Alldeles uppe under spiselkåpan hängde det två paket. Det var en liten jeep åt Tommy i det ena och en dockservis åt Annika i det andra. I hästens svans hängde ett litet, litet paket, och det innehöll en klocka som Tommy och Annika skulle ha i sin barnkammare.

När de hade hittat alla sina julklappar kramade de Pippi hårt till tack. Hon stod vid köksfönstret och tittade på all snön där ute i trädgården.

”I morgon ska vi bygga ett stort hus av snö”, sa hon. ”Och vi ska ha ljus som brinner inne i det om kvällarna.”

”O, ja, låt oss göra det”, sa Annika och kände sig mer och mer belåten med att ha kommit hem.

Над печкой висели ещё два свертка. Дети тут же развернули бумагу — там оказались заводной вездеход для Томми и кукольный сервиз для Анники. К хвосту лошади тоже был привязан небольшой свёрточек, в котором был маленький настоящий будильник.

— Поставьте его у себя в комнате, — сказала Пеппи.

Когда дети налюбовались подарками, они крепко обняли Пеппи. Она стояла у кухонного окна и глядела на снежные сугробы в саду.

— Завтра мы построим огромный снежный дом, — объявила она. — А по вечерам мы будем зажигать там свечку, и

в снежном доме будет светло, как в настоящем.

— Давайте, давайте! — воскликнула Анника, всё больше радуясь тому, что вернулась домой.

На самом верху под колпаком очага висело два пакета. В одном был игрушечный джип для Томми, а во втором — кукольный сервиз для Анники. На хвосте у лошади висел маленький-премаленький пакетик, и там лежали часы, предназначенные для детской Томми и Анники.

Когда они отыскивали все свои рождественские подарки, то в порыве благодарности крепко обняли Пиппи. Подойдя к кухонному окну, она посмотрела на снег, покрывавший весь сад.

— Завтра построим большой снежный дом, — сказала она. — И зажжем свечи, которые будут гореть в нем по вечерам.

— О да, давайте! — воскликнула Анника, все более и более довольная тем, что вернулась домой.

”Jag funderar på om vi skulle kunna anlägga en skidbacke uppifrån taket och ner i drivorna inunder”, sa Pippi. ”Jag tänker lära hästen åka skidor. Men jag kan inte lista ut om han behöver fyra skidor eller bara två.”

”Vi ska ha väldigt roligt i morgon”, sa Tommy. ”Sån tur att vi kom hem mitt i jullovet.”

”Vi ska ha roligt jämt”, sa Annika. ”Här i Villa Villekulla och på Kurrekurreduttön och överallt.”

Pippi nickade instämmande. De hade krupit upp på köksbordet alla tre. Plötsligt flög en dyster skugga över Tommys ansikte.

”Jag vill aldrig bli stor”, sa han bestämt. ”Inte jag heller”, sa Annika.

”Nä, det är inget att stå efter”, sa Pippi. ”Stora människor har aldrig nånting roligt. Dom har bara en hoper tråkigt arbete och fåniga kläder och liktornar och kumminalskatt.”

”Kommunalskatt, heter det”, sa Annika.

”Ja, samma smörja är det i alla fall”, sa Pippi. ”Och så är dom fulla av vidskepelse och galenskaper. Dom tror att det ska hända en stor olycka om dom råkar sticka kniven i mun när dom äter och sånt där.”

”Inte kan dom leka heller”, sa Annika. ”Usch, att man ska vara tvungen att bli stor!”

”Vem har sagt att man måste bli det”, frågade Pippi. ”Om jag inte minns fel, så har jag ett par piller nånstans.”

— А ещё мы могли бы, пожалуй, устроить лыжный трамплин с нашей крыши на террасу и в сугроб, — сказала Пеппи. — Знаете, я хочу научить лошадь кататься на лыжах. Вот только никак не могу решить, сколько ей нужно лыж, четыре или две.

— Ой, как будет весело завтра! — завопил от восторга Томми. — Как нам повезло, что мы вернулись как раз в январе.

— Нам всегда будет весело, — сказала Анника, — и здесь, в вилле «Курица», и в стране Веселии, и вообще везде. Пеппи кивнула головой. Они сидели втроём за кухонным столом. Вдруг Томми помрачнел.

— Я не хочу становиться взрослым, — твёрдо сказал он.

— И я тоже, — подхватила Анника.

— Охота была! — воскликнула Пеппи. — Взрослым никогда не бывает по-настоящему весело. Да и чем они заняты: скучной работой или модами, а говорят только о мозолях и подуходных налогах.

— Не подуходных, а подходных, — поправила её Анника.

— Ах какая разница! — отмахнулась Пеппи. — И ещё они портят себе настроение из-за всяких глупостей и почему-то считают, что если во время еды сунешь нож в рот, то обязательно случится несчастье.

— А знаете, что главное, — сказала Анника, — они не умеют играть. Ах как жаль, что мы тоже будем взрослыми!

— Кто сказал, что мы обязательно должны стать взрослыми? — возмутилась Пеппи. — Что до меня, то я запаслась пилюлями.

— Я думаю, нам надо соорудить лыжную горку: сверху, прямо с крыши — и вниз, в сугробы, — сказала Пиппи. — Я собираюсь научить лошадь кататься на лыжах. Только никак не могу придумать, сколько лыж ей надо — четыре или только две.

— Ох и весело будет нам завтра! — сказал Томми. — Какое счастье, что мы приехали домой прямо в разгар рождественских каникул.

— Нам всегда будет весело, — сказала Анника. — И здесь, на Вилле Вверхтормашками, и на острове Куррекурредут,

всюду и везде.

Пиппи в знак согласия кивнула головой. Все втроем забралась они на кухонный стол. Внезапно лицо Томми омрачилось.

— Не хочу никогда становиться взрослым, — решительно сказал он.

— И я тоже, — заявила Анника.

— Да, ничего в этом хорошего нет, — согласилась Пиппи. — Взрослым никогда не бывает весело. У них вечно уйма скучной работы, дурацкие платья и куминальные налоги.

— Это называется «коммунальные налоги», — поправила ее Анника.

— Все равно, такая же муть, — возразила Пиппи. — И еще они напичканы предрассудками и всякой ерундой. Они думают, что стряется ужасное несчастье, если сунуть в рот нож во время еды, и все такое прочее.

— Они не умеют даже играть, — сказала Анника. — Фу, ужасно, если придется стать взрослым!

— Кто сказал, что нужно стать взрослым? — спросила Пиппи. — Если я не ошибаюсь, у меня есть где-то несколько пилюлек.

”Vad då för piller”, sa Tommy.

”Nåra mycket bra piller för den som inte vill bli stor”, sa Pippi och hoppade ner från bordet. Hon letade överallt i skåp och lådor, och efter en liten stund kom hon fram med nånting som precis liknade tre gula ärter.

”Ärter”, sa Tommy häpet.

”Trodde du, va”, sa Pippi. ”Det här är inga ärter. Det är krumelurpiller. Jag fick dom för länge sen i Rio av en gammal indianhövding, när jag råkade nämna att jag inte brydde mej så värst mycket om att bli stor.”

— Какими пилюлями? — спросил Томми.

— Самыми лучшими пилюлями для тех, кто не хочет быть взрослым, — сказала Пеппи, прыгнула со стола и стала шарить по всем полкам и ящикам, и через несколько минут показала ребятам три крохотных шарика, очень похожих по виду на горошины.

— Так ведь это горох! — разочарованно воскликнул Томми.

— Сам ты горох, — обиделась Пеппи. — Разве это горох? Это чудесные пилюли. Мне их дал давным-давно один старый индейский вождь в Эриб, когда я сказала ему, что ужасно не хочу становиться взрослой.

— Каких пилюлек? — спросил Томми.

— Несколько мировых пилюлек для того, кто не желает стать взрослым, — объяснила Пиппи и соскочила со стола. Она искала повсюду — в шкафу, в ящиках и ларях, и через некоторое время появилась, держа в руках нечто, точь-в-точь похожее на три желтых горошины.

— Горошины! — удивился Томми.

— Ты так думаешь?! — спросила Пиппи. — И вовсе это не горошины, а пилюльки. Я давным-давно получила их в Рио^[3] от одного старого индейского вождя, когда случайно упомянула, что вовсе не хочу стать взрослой.

”Hjälper det med bara dom där små pillerna”, sa Annika tvivlande. ”Ja då”, försäkrade Pippi. ”Men dom måste ätas i mörker, och så måste man säga så här:

’ Fina lilla krumelur, jag vill inte bliva stur.’ ”

— И ты думаешь, что такая вот крошечная пилюлька может этому помешать? — с сомнением спросила Анника.

— Наверняка! — заверила её Пеппи. — Но только глотать их надо в полной темноте и при этом говорить заклинание:

Я пилюльку проглочу, Старой стать я не хочу!

— И эти вот маленькие таблетки могут помочь? — усомнилась Анника.

— Ну да! — заверила ее Пиппи. — Но проглотить их надо в темноте и при этом сказать вот что: Славная милая крумеляка, Не хочу я стать взрослякой...

”Stor, menar du väl”, sa Tommy.

”Har jag sagt ’stur’, så menar jag ’stur’”, sa Pippi. ”Det är det som är knepet, förstår du. Dom flesta säger ’stor’, och det är det värsta som kan hända. För då börjar man växa värre än någonsin. Det var en gång en pojke som åt såna här piller. Han sa ’stor’ i stället för ’stur’. Och han satte i gång att växa så man kunde bli mörkrädd. Flera meter om dan. Det var för sorgligt. Det var för all del rätt bekvämt så länge han kunde gå och beta direkt ur äppelträden ungefär som en giraff. Men snart gick inte det mera, han var för lång. När det kom några tanter och hälsade på hemma hos honom och dom skulle säga ’O, vad du har blivit stor och duktig’, så måste dom skrika i megafon för att han skulle höra det. Man såg inget annat av honom än hans långa, smala ben som försvann opp bland molnen som två flaggstänger. Man hörde aldrig mera av honom, jo, en gång, och det var när han gav sej till att slicka på solen så han fick en brännblåsa på tungan, då hävde han opp ett illtjut så att blommorna vissnade nere på jorden. Men det var också det sista livstecknet från honom. Fast bena vandrar väl fortfarande omkring där nere i Rio och ställer till oreda i trafiken, tänker jag.”

”Jag törs inte äta något piller”, sa Annika förskräckt. ”Ifall jag säger fel.”

— Ты, наверное, хочешь сказать не «старой», а «стать большой», — поправил её Томми.

— Если я говорю «старой», значит, я так и хочу сказать «старой», — объяснила Пеппи. — Самое ужасное было бы говорить «стать большой». В этом и всё дело, что обычно люди, произнося это заклинание, говорят «стать большим», и поэтому у них ничего не получается. Вернее, получается ужас что такое: они начинают расти с невероятной быстротой. Мне рассказывали про девочку, которая приняла эту пилюлю. Но сказала «стать большой» вместо «старой». И она тут же стала расти так, что страшно было на неё глядеть. По несколько метров в день. Это было ужас что такое. Вернее, сперва ей было даже очень удобно, потому что она могла срывать яблоки прямо с дерева, словно жираф. Но вскоре она потеряла и эту радость, потому что чересчур вытянулась. Если какая-нибудь тётя приходила её навестить и хотела ей сказать, как обычно говорят в таких случаях: «Ох как ты выросла и окрепла», то тётя должна была кричать в микрофон, чтобы девочка её услышала. Её вообще перестали видеть, вернее, не видели ничего, кроме длинных худых ног, которые исчезали где-то в облаках, как две гигантские мачты. И слышно её тоже больше не было, только один раз до земли донёсся её крик, когда она случайно лизнула солнце и на языке у неё вскочил волдырь. Она так вопила, что цветы здесь, на земле, стали вянуть. С тех пор её больше не было слышно, хотя ноги её ещё долго болтались в окрестностях Эрио и мешали движению на шоссе.

— Я ни за что не приму эти пилюли, — испуганно сказала Анника, — а вдруг я ошибусь?

— Ты, верно, имеешь в виду «взрослой», — сказал Томми.

— Сказала «взросляка», значит, то самое я и имею в виду — «взросляку». В этом-то и весь секрет. Большинство людей говорит: «взрослый», «взрослая», а опаснее этого ничего не бывает. Потому что тогда начинаешь расти шибче, чем прежде. Жил-был однажды мальчик, который ел вот такие пилюльки. И он сказал «взрослый» вместо «взросляка». Тут он как начал расти, — до смерти испугаешься. На несколько метров в день! До чего ж печально! Но, во всяком случае, пока он пасся и кормился прямо с яблоневых деревьев, примерно как жираф, это было довольно удобно. Но вскоре это перестало получаться, он был слишком длинный. Когда к нему домой приходили какие-нибудь тетеньки и здоровались с ним и им надо было сказать ему: «О, какой ты стал большой и умный!», то им приходилось кричать в мегафон, чтобы он услышал их слова. У этого мальчика ничего нельзя было увидеть, кроме его длинных, тонких ног, исчезавших среди туч, словно флагштоки. А что было, когда он принялся лизать солнце! У него на языке появился волдырь. Тогда он так заорал, что внизу, на земле, увяли цветы. Но это было последним признаком его жизни. И никогда больше никто о нем не слышал. Хотя ноги, думается мне, по-прежнему бродят внизу там, в Рио, и мешают движению.

— Я боюсь есть какие-то пилюли, — испуганно сказала Анника. — А вдруг я ошибусь и скажу не то, что надо?

”Du säger inte fel”, sa Pippi tröstande. ”Om jag trodde att du gjorde det så skulle jag inte ge dej nåt piller. För det skulle vara bra enformigt att bara ha dina ben att leka med. Tommy och jag och dina ben, det skulle vara ett snyggt sällskap.”

”Äsch, du säger inte fel, Annika”, sa Tommy.

De släckte alla julgransljusen. Det blev alldeles mörkt i köket, utom framme vid spisen där elden glödde bakom luckorna. De satte sig tysta i en ring mitt på golvet. De tog varandras händer. Pippi gav Tommy och Annika var sitt krumelurpiller. Det kröp av spänning längs ryggraden på dem. Tänk, om ett ögonblick skulle det där märkvärdiga pillret ligga nere i magen, och sen skulle de aldrig, aldrig behöva bli stora. Det var underbart.

”Nu”, viskade Pippi. De svalde sina piller.

— Нет, не ошибёшься, — утешила её Пеппи. — Если бы я думала, что можешь ошибиться, я бы ни за что не дала тебе эту пилюлю. Потому что мне было бы очень скучно играть не с тобой, а с твоими ногами. Томми, я и твои ноги — какая бы была невесёлая компания.

— Анника, ты не ошибёшься, — уговаривал Томми сестру. Дети погасили свечи на ёлке. В кухне стало совсем темно, только вспыхивали угли в печке, но Пеппи притворила дверцу. Они сели в кружок на пол и взялись за руки. Пеппи дала Томми и Аннике по горошинке. От напряжения у них мурашки забегали по спине. Подумать только, через мгновение эти чудесные пилюли окажутся у них в животах, и тогда им никогда не придётся стать старыми. Это будет замечательно!

— Давайте, — шепнула Пеппи. Дети проглотили по пилюльке.

— Фу, да не ошибёшься ты, Анника! — сказал Томми.

Они погасили рождественские свечи. На кухне стало совершенно темно, только перед очагом, где за дверцами пылал огонь, лежал кружок света. Они молча уселись в кружок посреди комнаты. Пеппи дала Томми и Аннике по таблетке крумеляки. От любопытства у них по спине пробежал холодок. Подумать только: мгновение — и эти удивительные пилюльки будут лежать у них в

животе, а потом они никогда, никогда не станут взрослыми. Это было замечательно!

— Давайте, — шепнула Пеппи. Они проглотили по таблетке.

”Fina lilla krumelur, jag vill aldrig bli va stur”, sa de alla tre på en gång.

Så var det gjort. Pippi tände taklampan.

”Härligt”, sa hon. ”Nu slipper man bli stor och få liktornar och annat elände. Fast pillerna har ju legat i mitt skåp så länge, så man kan ju inte vara *pin* säker på att inte kraften har gått ur. Men vi ska väl hoppas på det bästa.”

Annika hade kommit att tänka på en sak.

”O, Pippi”, sa hon förskräckt, ”du skulle ju bli sjörövare när du blir stor.”

”Äsch, det kan jag bli ändå”, sa Pippi. ”Jag kan bli en liten, liten ettrig sjörövare, som sprider död och förvirring omkring mej i alla fall.”

Hon funderade en stund.

— пилюльке.

Я пилюльку проглочу, старой стать я не хочу! —

сказали они все трое хором.

Дело было сделано, и Пеппи зажгла висячую лампу.

— Прекрасно, — сказала она. — Теперь мы никогда не будем большими, и у нас не будет мозолей и всех других неприятностей. Правда, пилюли эти очень долго лежали у меня в шкафу, поэтому я не совсем уверена, что они не утратили своей чудесной силы. Но будем надеяться.

И тут Аннике пришла ужасная мысль.

— Ой, Пеппи, — испуганно воскликнула она, — ведь ты хотела стать морской разбойницей, когда вырастешь!

— Пустяки, я и так могу стать морской разбойницей, — успокоила её Пеппи. — Я стану маленькой, но очень грозной разбойницей, которая сеет вокруг себя ужас и смерть.

Пеппи задумалась.

— Славная, милая крумеляка, не желаю стать взрослякой! — хором произнесли они все трое.

Дело было сделано. Пеппи зажгла висячую лампу.

— До чего здорово! — сказала она. — Теперь мы можем оставаться детьми. У нас никогда не будет мозолей и прочей ерунды. Хотя ведь пилюльки лежали в моем шкафу так долго, что нельзя быть *железно* уверенной в том, что они не утратили свою силу. Но будем надеяться на лучшее, верно?

Аннике вдруг пришла в голову одна мысль.

— Пиппи! — испуганно воскликнула она. — Ты ведь собиралась стать морской разбойницей, когда станешь взрослой.

— Тьфу, я все равно могу стать морской разбойницей, — сказала Пеппи, — такой маленькой-премаленькой вредной морской разбойницей, которая сеет смерть и разрушение, во всяком случае вокруг себя.

Она немножко подумала.

”Tänk, hör ni”, sa hon, ”tänk om det kommer en tant och går förbi här nån gång om många, många år

och får se oss springa omkring i trädgården och leka. Då kanske hon frågar dej, Tommy: ' Hur gammal är du, min lille vän?' Och då säger du: ' 53 år, om jag inte minns fel.' "

Tommy skrattade belåtet.

"Då tycker hon nog att jag är väldigt liten till växten", sa han.

"Ja, det förstås", medgav Pippi. "Men då kan du säga att du var större när du var mindre."

Just då kom Tommy och Annika ihåg att deras mamma hade sagt till dem att inte stanna för länge.

"Vi måste nog gå hem nu", sa Tommy. "Men vi kommer igen i morgon", sa Annika.

"Fint", sa Pippi. "Vi börjar med snöhuset klockan åtta."

Hon följde dem till grinden, och hennes röda flätor dansade omkring henne när hon sprang tillbaka till Villa Villekulla.

— быть может, спросит тебя, Томми: «Сколько тебе лет, дружок?» А ты ей ответишь:

«Пятьдесят три года, если не ошибаюсь».

Томми весело рассмеялся и сказал:

— Она, наверное, подумает, что я просто ростом не вышел.

— Ага, — согласилась Пеппи, — но ты сможешь ей сказать, что когда ты был меньше, ты был больше.

Тут как раз Томми и Анника вспомнили, что мама их просила поскорее вернуться домой.

— Нам теперь пора идти, — сказал Томми.

— Но мы придём завтра утром, — сказала Анника.

— Вот и хорошо, — сказала Пеппи. — Ровно в восемь утра мы начнём строить снежный дом.

Пеппи проводила друзей до калитки, и её рыжие косички прыгали у неё на спине, когда она бежала назад, в свою виллу.

— Послушайте, — сказала она, — послушайте. Вдруг когда-нибудь, через много лет, явится какая-нибудь тетенька, будет проходить мимо и увидит, как мы играем здесь, в саду. И, может, она спросит тебя, Томми: «Сколько тебе лет, дружок?» А ты ответишь тогда: «53 года, если не ошибаюсь».

Томми радостно засмеялся.

— Тогда она, верно, подумает, что я просто коротыш, — сказал он.

— Да, ясное дело, — согласилась Пиппи. — Но тогда ты сможешь ответить, что, когда ты был меньше, ты был больше.

Тут как раз Томми и Анника вспомнили, что мама не велела им слишком долго оставаться у Пиппи.

— Нам, наверное, пора идти домой, — сказал Томми.

— Но мы снова придем завтра, — сказала Анника.

— Прекрасно! — сказала Пиппи. — Начнем строить снежный дом в восемь часов утра.

Она проводила их до калитки, и ее рыжие косички болтались во все стороны, когда она бежала обратно на Виллу Вверхтормашками.

"Tänk", sa Tommy en stund senare när han höll på att borsta sina tänder, "tänk, om jag inte hade vetat att det var krumelurpiller, så skulle jag ha kunnat slå mej i backen på att det var vanliga ärter."

Annika stod vid barnkammarfönstret i sin skära pyjamas och tittade bort mot Villa Villekulla.

"Titta, jag ser Pippi", ropade hon förtjust.

Tommy skyndade fram till fönstret han också. Ja sannerligen! Nu när träden inte hade något lövverk kunde man se ända in i Pippis kök.

Pippi satt vid bordet med huvudet lutat mot armarna. Med ett drömmande uttryck i ögonen stirrade hon på ett litet ljus, som stod framför henne med fladdrande låga.

"Hon ... hon ser så ensam ut på nåt vis", sa Annika och darrade lite på rösten. "O, Tommy, om det vore morgon, så vi fick gå till henne mesamma."

— Знаешь, — сказал Томми, когда почистил зубы, — знаешь, если бы я не был уверен, что это чудесные пилюли, я бы спорил на сколько хочешь, что Пеппи нам дала самые обыкновенные горошины.

Анника стояла в пижаме у окна и глядела на домик Пеппи.

— Гляди, я вижу Пеппи! — радостно воскликнула она.

Томми тоже подошёл к окну. В самом деле, теперь, зимой, когда деревья стояли голые, виден был не только домик Пеппи, но и она сама сквозь кухонное окно.

Пеппи сидела у стола, уткнувшись подбородком в скрещённые руки. Сонными глазами следила она за прыгающим

пламенем свечи, стоящей перед ней.

— Она... она очень одинока сейчас, — сказала Анника дрогнувшим голосом. — Ой, скорей бы наступило утро, и мы бы пошли к ней.

— Подумать только, — сказал Томми чуть позднее, когда чистил зубы, — подумать только, если бы я не знал, что это пилюльки крумеляки, то мог бы поспорить, что это — обыкновенные горошины.

Анника стояла у окна детской в розовой пижамке и смотрела в сторону Виллы Вверхтормашками.

— Ура, я вижу Пиппи! — в восторге закричала она.

Томми также поспешил к окну. Да, конечно! Теперь, когда на деревьях больше не было листвы, можно было заглянуть даже на кухню к Пиппи. Пиппи сидела у стола, склонив голову на руки. С мечтательным выражением в глазах смотрела она на колеблющуюся пламя стоявшей перед ней маленькой свечи.

— Она... она кажется такой одинокой, — сказала Анника, и голос ее чуть задрожал. — О, Томми, скорей бы уж было утро, чтоб нам сразу же к ней пойти.

De stod där tysta och tittade ut i vinterkvällen. Stjärnorna lyste över Villa Villekullas tak. Där inne fanns Pippi. Hon skulle finnas där alltid. Det var underbart att tänka på. Åren skulle gå, men Pippi och Tommy och Annika skulle inte bli stora. Om inte kraften gått ur krumelurpillerna förstås! Det skulle komma nya vårar och somrar och nya höstar och vintrar, men deras lekar skulle fortsätta. I morgon skulle de bygga snöhus och göra en skidbacke från Villa Villekullas tak, när det blev vår skulle de klättra i den ihåliga eken där det växte sockerdricka, de skulle leka sakletare och de skulle rida på Pippis häst, de skulle sitta i vedlåren och berätta historier, de skulle kanske också resa till Kurrekurredudden ibland och hälsa på Momo och Moana och de andra, men de skulle alltid återvända till Villa Villekulla. Ja, det var en underbart tröstande tanke – Pippi skulle finnas i Villa Villekulla för alltid.

”Om hon ville titta hitåt, så skulle vi vinka åt henne”, sa Tommy. Men Pippi bara stirrade framför sig med drömmande ögon.

Så släckte hon ljuset.

Так они стояли у окна и глядели на снег. Звёзды светили над крышей виллы «Курица». Там живёт Пеппи. Она всегда там будет жить. Как это замечательно! Пройдут годы, но Пеппи, Томми и Анника не станут большими. Конечно, если чудесные пилюли не утратили своей силы! Настанет новая весна, а потом придут лето и осень, и снова наступит зима, а они всё будут играть и играть. Завтра они построят снежный дом и соорудят лыжный трамплин с крыши, а когда настанет весна, они заберутся на старый дуб, на котором растут бутылки лимонада, и будут играть в секлетаря, и будут кататься верхом на лошади, будут сидеть в чулане и рассказывать друг другу разные истории, снова поедут в страну Веселию и встретятся с Момо, и Моаной, и со всеми остальными негритянскими ребятами, но из всех путешествий они всегда будут возвращаться назад домой. Да, знать, что из всякого путешествия можно вернуться домой, очень-очень приятно.

— А Пеппи всегда будет жить в вилле «Курица»! — сказала Анника.

— И если она поглядит в нашу сторону, мы помашем ей рукой, — добавил Томми.

Но Пеппи глядела сонными глазами на пламя. Потом она задула свечу.

Они молча стояли у окна, всматриваясь в зимний вечер. Над крышей Виллы Вверхтормашками светили звезды. Там, в доме, была Пиппи. Она будет там вечно. Странно было думать об этом. Пройдут годы, но Пиппи, и Томми, и Анника не станут взрослыми. Если только, понятно, пилюли крумеляки не потеряли свою силу! Настанут новые весны и лета, и новые осени и зимы, но их игры будут продолжаться. Утром они выстроят снежный дом и спустят трамплин с крыши Виллы Вверхтормашками. Когда настанет весна, они будут карабкаться на дуплистый дуб, где растёт лимонад, они будут играть в искальщиков вещей и ездить верхом на лошади Пиппи, будут сидеть в дровяном ларе и рассказывать разные истории. А иногда они, быть может, будут также путешествовать на остров Куррекурредут, чтобы повидаться с Момо, Моаной и другими детьми. Но они вечно будут возвращаться на Виллу Вверхтормашками. Да, это была на редкость утешительная мысль — Пиппи вечно будет жить на Вилле Вверхтормашками.

— Вот сейчас она посмотрит в нашу сторону, и мы помашем ей рукой, — сказал Томми.

Но Пиппи смотрела прямо перед собой мечтательными глазами. А потом погасила свечу.